ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РУИНИРОВАННОГО ОБЪЕКТА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

П.Д. Буш

Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия

Аннотация

В основу статьи положено рассмотрение руинированного объекта культурного наследия в качестве артефакта музейного образца с определенными атрибутивными характеристиками. Раскрыт вопрос информационного поля и информационного потенциала руинированного памятника архитектуры. В качестве апробации передачи информации о руине с помощью средств дополненной реальности в статье описан опыт создания мобильного приложения «Памятники Кёнигсберга», представляющего собой виртуальное воссоздание разрушенного замка Бранденбург в селе Ушаково.

Ключевые слова: руины, информационное поле, информационный потенциал, дополненная реальность, Кёнигсберг, экспонат

INFORMATION POTENTIAL OF THE RUINED OBJECTS OF CULTURAL HERITAGE

P. Bush

Moscow Institute of Architecture (State Academy), Moscow, Russia

Abstract

Keynote of this article is to research ruined object of cultural heritage as exhibited museum object. Much attention is given to disclosure of the information field and the information potential of ruined object of cultural heritage. As an approbation of transferring the information about ruin by the means of augmented reality in report is noted the experience of creating of the mobile application «Monuments of Koenigsberg», that represent virtual reconstruction of demolished Brandenburg castle in Ushakovo.

Keywords: ruin, ruined, information potential, augmented reality, Koenigsberg, exhibit

Наследие в наше время начинает играть все более заметную роль в жизни общества. Оно отражает реалии современного социокультурного пространства. Постепенно и повсеместно признается тот факт, что наследие оказывает основополагающее влияние на среду обитания человека и её формирование – политику, образование, экономику, духовное самосовершенствование, психологию, этнокультурные коммуникации. При этом влияние имеет два уровня – государственно-правовой и научный с одной стороны и формирующий традиционные ценности каждого отдельного человека с другой.

В наше время имеет смысл перейти к рассмотрению объектов наследия как целостного, уникального явления культуры, сформированного в древности, но продолжающего жить в настоящем.

В обществе начинается процесс осознания позиции наследия в жизни человека. На территории Российской Федерации это особенно заметно ввиду того, что в XXI веке начали преодолеваются барьеры, навязанные советской эпохой в сфере идеологии. Всё чаще обсуждается вопрос максимальной интеграции исторического наследия в

культурную действительность. И.М. Минеева пишет о том, что ещё Н.А. Бердяев и Д.С. Лихачев признавали наследие одним из ключевых факторов социокультурного развития [12]. Это можно охарактеризовать как код, посредством которого историческая память включается в современные реалии жизни общества.

Целесообразно определить границы роли, которую играет в этом коде руинированное архитектурное наследие.

Первое – это в ряде случаев не опосредованная передача информации о прошлом от руинированного памятника реципиенту. Наиболее действенным оказывается эмоциональное воздействие объекта культурного наследия на зрителя, если памятник сохранен на фоне природного ландшафта, в естественной исторической среде.

Второе – сочетание историко-археологических и архитектурных качеств с включенностью в природу является своеобразным гарантом развития региональных систем, подключенных к отдельному памятнику или ансамблю.

Третье – разрушенный объект культурного наследия, в силу своей уникальности, препятствует унификации региона, в котором он расположен. То есть местные и региональные культурные особенности утрируются самобытностью, обусловленной историей и результатами руинирования объекта, а также взаимодействием с природным ландшафтом.

Необходима адаптация руинированных объектов культурного наследия к условиям реальной среды. Недосказанность и кажущаяся неполной информация, получаемая посетителем руины, имеет огромный внутренний потенциал. При соблюдении определенных условий презентации эмоциональное воздействие на зрителя и широчайший информационный пласт становятся гораздо более явными. Раскрывается так называемая «генетическая память», «память предков». Также можно достичь формирования личностного отношения к памятнику, его персонализации. Условиями этими являются (по мнению И.М. Минеевой), во-первых, подлинность, истинность и уникальность руинированного объекта наследия, во-вторых, восприятие непосредственно в природном окружении [12].

Руинированный объект культурного наследия благодаря определенному спектру характеристик можно рассматривать, как артефакт музейного образца, поскольку превалирование качеств уникальности, соединение познавательного интереса и эстетического восприятия объекта сближает руину с экспонатом, который с утратой функционального содержания теряет некоторые черты архитектурного произведения.

Термин руина имеет двойной смысл – это одновременно и процесс, и исход этого процесса [7]. Изначально, будучи цельным структурированным единством, под воздействием как внешних, так и внутренних причин здание подвергается распаду и разрушению. Но также термин означает результат разрушения, остатки распада, которые сопротивляются времени, чтобы засвидетельствовать то, что было когда-то, и обеспечить возможность обратимости в целях восстановления корней или нахождения идентичности.

Руина – это не только слабый голос из частично исчезнувшего прошлого, прежде всего, это генератор памяти. Через руины мы можем понять, как пишет Сеттис [8], «присутствие прошлого, <...> наслоение сегодняшнего дня на множественное вчера». Архитектурные творения прошлого, которые дошли до нас, могут быть показаны в ряде аспектов, от археологических раскопок в историческом здании до городской ткани. Все эти находки редко сохраняют их исходные характеристики, чаще они являются результатом предыдущих изменений, которые могут произойти из-за преднамеренного вмешательства или естественных причин. Часто остаются только фрагменты первоначального замысла, обработанные в результате серии вмешательств, наслаивающихся по времени.

На вопрос о том, как наличие «руинирования» может повлиять на проектирование и какой тип взаимодействия руина установит с архитектурой, мы можем ответить, что это почти всегда приводило к обогащению сферы проектных решений, как на теоретическом уровне, так и на конструктивном. Изучать её также можно с помощью анализа бессознательного. Именно выхваченные практически хаотично из общего фона факты и иконография подчеркивают «слоистую рваную суть»¹ перестраивавшегося и разрушавшегося на протяжении долгого времени объекта. Судить о мемориальной ценности памятника или о принадлежности его к какому-либо стилю, или об истории его разрушения с первого взгляда может только узкий специалист, поэтому большая часть посетителей руин опирается на первое ощущение. Недостаток знания при рассмотрении руин приводит к необходимости превалирования предположительных характеристик. Если посмотреть на архитектуру прошлого, то часто можно видеть в ней «палимпсест»² сложных процессов трансформации в связи с неоднократными изменениями исторических и социальных условий и проектными допущениями, неприемлемыми сегодня. Часто случалось, что архитектура прошлого изыскивала новые возможности для существующих структур с использованием методов повторной сигнификации пространства на основе процессов, которые были необходимы в тот момент и изменяли типологию здания.

Руину рационально рассматривать с точки зрения ее информационного содержания. Информационный потенциал руины складывается из трех основных составляющих:

- 1) степени сохранности изначального произведения;
- 2) информации, зафиксированной разрушенным архитектурным сооружением;
- 3) информации о его происхождении и истории.

При этом выявленная, известная информация об объекте (информационное поле) всегда меньше информационного потенциала. Недостаток информативности придает памятнику загадочность, становится причиной повышения эмоционального воздействия на реципиента. Способность воздействовать на эмоциональную сферу человеческой личности является важным свойством руинированного объекта культурного наследия. Источником воздействия может стать как информация о памятнике, так и её отсутствие.

Экспрессивность руины связана с такими известными в теории музееведения качествами как древность, мемориальная ценность, необычность или узнаваемость [2]. Они являются фундаментальными аспектами ценности музейного экспоната, они же важны и для оценки руины. Руина демонстрирует то, что происходило в мире на отдельном участке. Она перестаёт работать как здание и становится неким свидетельством прошлого, подлинным артефактом, в котором рука человека читается меньше, чем сила времени, природы и обстоятельств.³ Работа с руинами стремиться к воскрешению памяти через памятник архитектуры. Сооружение прошлого преподносится как своеобразное творение, воскрешая, таким образом, ритуал памятника. Это в некотором роде зеркалирование как исторической первоначальной памяти объекта, так и истории его разрушения.

Руина – это не только объект культурного наследия, но и символ. Руина – не приукрашенный слепок времени. Местные материалы, использующиеся для застройки в городах, формировали единство фактур и цвета, компенсируемое стилевым и образным разнообразием. Современные же торговые международные отношения позволяют

¹ Buonincontri, Francesca (2011) *Architettura contemporanea e tracce urbane ed architettoniche dell'antico*.

² Палимпсест (греч. παλίμψηστον, от πάλις – опять и ψηστός – соскобленный, лат. *Codex rescriptus*) – рукопись на пергаменте (реже папирусе) поверх смытого или соскобленного текста) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

³ Marc Auge, «Rovine e macerie. Il senso del tempo», Torino, Boilati Boringhieri, 2004.

использовать любой материал. Космополитичность городов дополняется отсутствием признаков местности в зданиях. Это сказывается и на психологическом восприятии, поскольку чувство места в значительной степени зависит от визуального и колористического решения окружающей среды.

Руиной можно назвать не любые развалины. Этот термин предполагает, что разрушенное здание некогда было значительным. С этой позиции эстетики прошедшего важно различие эпитетов «древний», «старый», «старинный». Термин «старый» ассоциируется с продлеваемым прошлым и не подразумевает уникальности объекта, поэтому он не применим к руине, прошлое которой уже чётко отделено от неё. «Старинный» и «древний» предполагают наличие некой устойчивой индивидуальности или «экземплярности». Термин «старинный» отсылает к наличию в прошлом функции, утраченной на данный момент, и также не подходит для описания руины по причине того, что старинное предполагает сохранение целостной формы объекта. А «древний» объект может быть как целым, так и фрагментом. Поэтому именно термин «древний» наиболее сопоставим с руинированным объектом.

Кроме того, важно рассмотрение руины с точки зрения эстетики ветхости, так как при созерцании руины на первый план выходит ощущение временности и конечности сущего [11]. Но если ветхое находится на грани разрушения, то руинированное уже разрушено. При восприятии руины внимание фокусируется на её произошедшем в прошлом факте разрушения, а не на будущем разрушении. Поэтому руина несовместима с термином «ветхий».

Руина не вечна. Будучи когда-то цельным зданием, она превратилась в остатки здания, но сохранила превалирование вертикальной ординаты. При отсутствии консервационных работ она превратится в остатки остатков, приобретя качества больше археологического объекта, нежели архитектурного. Разрушенное здание образно находится на границе бытности вещью и остатком вещи.

Информационное поле объекта при значительных потерях памятника архитектуры всегда остается неполным, поскольку некогда цельные формы не могут быть восприняты реципиентом. Чтобы правильно понять и осознать материальные остатки, нужно зачастую прибегнуть к помощи информационных носителей, будь то путеводитель или гид.

Руинированная историческая ткань – это материализованная история и она обеспечивает самим фактом своего существования реальную связь с прошлым⁴. Но физические остатки здания – это не единственный источник достоверной информации. Способов донесения информации до потребителя может быть множество: печатные брошюры, иллюстрированные путеводители, планы и модели, иллюстрирующие поэтапное развитие объекта (модели как тактильные, так и виртуальные), графические панели, выставки артефактов, связанных с объектом, работа профессиональных гидов с сопровождением на нескольких языках, аудиогиды, виртуальная реальность и интерактивное телевидение, реконструкции исторических событий.

Требуется глубокая проработка вопроса реконструирования, моделирования, организации специальных музейных экспозиций на территории, примыкающей к руинированному объекту культурного наследия. Все эти меры должны помочь в преодолении разрыва между внешним малоинформативным для реципиента на первоначальном этапе видом руинированного памятника архитектуры и его восстановленным (в том или ином виде) обликом. При этом восстановить (графическими, объемными или интерактивными средствами) разрушенный объект можно в различной мере: как воссоздание памятника целиком, так и отдельных его частей. Опасность

⁴ Alois Riegl, «Der Moderne Denkmalkultus: Sein Wesen Und Seine Entstehung» Braumuller, Wien-Leipzig(1903).

состоит в недостаточном соблюдении исторической объективности в угоду художественной форме. Этого не следует допускать, нужно придерживаться с одной стороны разработанных методик консервации самых аварийных участков, реставрации сохранившихся фрагментов, а с другой – прибегать к приемлемому в данном конкретном случае типу грамотной реконструкции.

История памятника всегда лучше всего объясняется непосредственно на месте, и устное сопровождение является важным аспектом управления туризмом. Как минимум она должна объяснить предварительно состояние здания до разрушения и причину его руинирования. И чем популярнее руина, тем доступнее должна быть информация и значительнее ресурсы, затраченные на донесение информации до туриста.

Успешные современные подходы к интерпретации охватывают все этапы истории памятника и включают в себя подробную информацию о недавнем прошлом уже после руинирования, имея цель предоставить посетителям полное понимание истории памятника. В Великобритании распространен селективный подход к рассказу о жизни разрушенного здания – внимание уделяется особенному временному периоду в истории существования объекта, будь то самая ранняя или величайшая фаза [4]. В этом прослеживается явная аналогия с реставрацией на оптимальную дату, когда при восстановлении памятника архитектуры сохраняются свидетельства не всех строительных этапов, но одного – или первоначального или наиболее ценного в мемориальном или архитектурно-стилевом плане.

Интерпретация часто неразвита и испытывает нехватку ресурсов, так что посетители плохо информированы, при этом манипуляция его вниманием и выделение наиболее выигрышных аспектов содержания памятника могут привести к потере комплексного характера информации об объекте. Дезориентированные посетители могут быть разочарованы своим опытом, и, возможно, транслируют своё негативное отношение к месту и его дальнейшему сохранению.

Степень сохранности руинированного объекта культурного наследия играет важнейшую роль в становлении информационного потенциала руины. Зачастую формальное воссоздание материальной составляющей объекта культурного наследия не приводит к увеличению культурной составляющей ценности памятника. Приобретая ценность целого, объект увеличит информационное поле, но при этом безвозвратно сократится информационный потенциал. Теряется возможность домысливания, эмоционального переживания. Приходится признать, что объективная информация – не единственная составляющая информационного потенциала.

Но и кропотливая музеефикация, отчасти восстанавливающая образные характеристики объекта, может не дать ожидаемых результатов. Нужен более широкий спектр мер, раскрывающий ценность наследия, подвергшегося частичному разрушению. В Европе ввиду ограниченности территориального ресурса стран и более внушительных субсидий, как со стороны государства, так и со стороны местного сообщества, руины частных имений в большинстве своём подверглись приспособлению и реставрации. На территории Российской Федерации при отличии плотности застройки ситуация иная: руины часто почти не включены в культурный контекст. Полезным может быть опыт исследования потенциала замков Белоруссии, где положение дел в некотором роде соотносится по масштабу с европейским. Наиболее полно (по мнению исследователей потенциала руин замков Белоруссии [1]) информация раскроется при соблюдении нескольких пунктов:

- 1) Объединение объектов в маршруты или сети.

В этом случае наладится историческая оправданность размещения памятника. Если рассматривать руинированный объект культурного наследия как аналог музейного артефакта, то необходимо представить его не только как уникальный экспонат, но и как

элемент единой крупной структуры в ряду типологически сходных единиц. Конечно, в условиях отдаленности объектов или уникальности зачастую найти типологическую серию не представляется возможным, но наличие хотя бы двух связанных достопримечательных мест обеспечит необходимый результат.

2) Наличие социальной составляющей.

Информация о поэтапном развитии памятника, пластах архитектурной истории и легендах должны культивироваться не столько маркетинговыми усилиями в целях увеличения туристической значимости, но и силами местного сообщества. Реставрация памятника должна включать не только архитектурную, но и социальную часть.

3) Презентация всех сторон ценности руины различными средствами.

Одним из них может быть использование средств дополненной реальности. Их использование при презентации руины сочетает преимущества ситуации такой новой формации сознания современного молодого поколения, как клиповое сознание (возможность подачи информации о первоначальном облике здания с помощью визуальных образов) и возможности 3D воссоздания разрушенного объекта культурного наследия при временной невозможности его реставрации и реконструкции.

Элементы дополненной реальности уже начинают входить в повседневную жизнь. Их назначение состоит в том, чтобы информация о физическом окружении воспринималась в наиболее полной мере [3].

Аналогом может служить размещение актуальной информации на лобовом стекле военных самолетов для экономии времени при маневрировании (военная техника) или дополнение информации при эндоскопии данными, полученными при проведенных ранее обследованиях, выводимыми в поле зрения хирурга, что позволяет сократить потери при операционном вмешательстве (медицина). Штрихкодový ярлык с QR-кодом также является элементом дополненной реальности.

Множество руинированных объектов на территории Российской Федерации нуждаются в реконструкции или, по крайней мере, консервации и благоустройстве окружающей территории для возможности её досконального и безопасного изучения в академических, образовательных или туристических целях. Для запуска этого процесса необходимы первые не кардинально изменяющие ситуацию меры, требующие минимальных затрат бюджета.

В проекте «Монументы Кёнигсберга» в соавторстве с Е. Соловьём после превалирующей образовательной цели задачей было постараться ввести руину замка Бранденбург в Гурьевском районе Калининградской области в реестр туристических объектов. Тем самым запустить долгосрочный процесс реконструкции и регенерации, требующий внушительных затрат, часть из которых возможно будет взята из средств, полученных от осмотра памятника. Поэтому авторский коллектив проекта посчитал необходимым воссоздать руину в 3D реальности, чтобы не в макете и не на визуализациях увидеть некоторые видовые точки ансамбля, но иметь возможность «походить» по интерьерам и дворам замка, узнать информацию о всех сооружениях ансамбля, их первоначальной функции и истории эксплуатации, истории перестройки и разрушения.

Дальнейшим этапом деятельности станет популяризация руинированного объекта культурного наследия в целях привлечения добровольцев и средств для начала работ по консервации. Создание волонтерских программ для школьников со всего мира, и местных учеников из Калининграда и Калининградской области позволит участникам проекта изучить архитектуру тевтонского ордена, а впоследствии поучаствовать в начальных работах по консервации памятника. Проект не ограничится работой с одним объектом. Планируется воссоздать в 3D все объекты из системы Орденских замков, расположенных

на расстоянии около 30 км друг от друга в прибрежной линии и объединённых в единую фортификационную линию. Налаживание связи между ними хотя бы в виртуальной реальности позволит создать цельный туристический маршрут, реанимирующий потенциал Калининградской области.

Дополненная реальность, несомненно, имеет и некоторую негативную окраску, поскольку несёт потенциальную опасность вывести архитектурное сооружение из разряда объектов архитектурной реконструкции или реставрации и оставить его в руинированном состоянии ввиду дешевизны виртуальной реконструкции в сравнении с реальной. Но с другой стороны, результат во многом зависит от первоначальной цели проекта.

Дополненная реальность естественно соотносится с упрощением и клипизированием архитектурного проектирования. Представители архитектурного сообщества зачастую в последнее время предпочитают браться за масштабные проекты регенерации городских территорий.

Виртуальное воссоздание может дать только некоторый люфт во времени, чтобы, к примеру, дать общественности, проживающей на этом месте или же туристам, или экспертам, имеющим взгляд со стороны, возможность предложить идеи по реорганизации и зачастую просто подключить выпавший участок к инфраструктуре.

Формирование информативно целостного, структурированно поданного комплекса вокруг руинированного объекта культурного наследия даст возможность усилить заинтересованность местных жителей к своим культурным и национальным традициям, повысить их информированность в области как ценности исторического архитектурного наследия в общем, так и к истории данного города или жилой территории. Это позволит надеяться на изменение взглядов в отношении сохранения наследия, а также будет укреплять привязанность человека к своим корням.

Литература

1. Борель, Е. Как руинами замка привлечь туристов? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fly-uni.org/content/kak-ruinami-zamkov-privlech-turistov>
2. Шулепова, Э.А. Основы музееведения: Учебное пособие / Отв.ред Э.А. Шулепова. Изд. 2-е, испр. – М. : Книжный дом «Либроком», 2010, – С. 432.
3. Материал из Википедии, Дополненная реальность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Дополненная_реальность
4. Ashurst, J. Conservation of ruins / Butterworth-Heinemann, 2007 – S.340.
5. Материал из Википедии, Палимпсест [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Палимпсест>
6. Buonincontri, F. Architettura contemporanea e tracce urbane ed architettoniche dell'antico. [Tesi di dottorato]. 2011 (не опубликовано).
7. Зиммель, Г. Избранное. Том 2. Созерцание жизни «Руина». – М. : Юрист, 1996. – С. 760.
8. Settis, S. Una panchina davanti ai ruderi, la Repubblica, 2006.
9. Auge, M. Rovine e macerie. Il senso del tempo. –Torino, Boilati Boringhieri, 2004. – S.247.

10. Riegl, A. *Der Moderne Denkmalkultus: Sein Wesen Und Seine Entstehung.* – Braumuller, Wien-Leipzig, 1903. – S.386.
11. Лишаев, С. Эстетика руины [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.studfiles.ru/preview/4342760/page:7/>
12. Минеева, И.М. Сохранение, использование и государственная охрана археологического наследия Южного Урала во второй половине XIX – начале XXI вв.: дис. докт. исторических наук / Ин-т истории АН Татарстана, – М., 2010ю – С. 390.

References

1. Borel E. *Kak ruinami zamka privlech' turistov?* [As the castle ruins attract tourists?]. Available at: <http://fly-uni.org/content/kak-ruinami-zamkov-privlech-turistov>
2. Shulepova E. *Osnovy muzevedenija: Uchebnoe posobie* [Museology Basics: A Tutorial]. 2-nd edition, Moscow, 2010, 432 p.
3. *Dopolnennaja real'nost'* [Augmented Reality]. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Дополненная_реальность
4. Ashurst J. *Conservation of ruins.* Butterworth-Heinemann, 2007, 340 p.
5. *Palimpsest* [Palimpsest]. Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Палимпсест>
6. Buonincontri F *Architettura contemporanea e tracce urbane ed architettoniche dell'antico* [Tesi di dottorato]. 2011 (Unpublished).
7. Simmel, G. *Izbrannoe. Tom 2. Sozercanie zhizni «Ruina»* [Favorites. Volume 2. Contemplation of life "ruins"]. Moscow: Jurist, ISBN 5-7357-0175-4, 1996 – 760 p.
8. Settis, S. *Una panchina davanti ai ruderi,* la Repubblica, 2006.
9. Auge, M. *Rovine e macerie. Il senso del tempo.* Torino, Boilati Boringhieri, 2004, 247 p.
10. Riegl, A. *Der Moderne Denkmalkultus: Sein Wesen Und Seine Entstehung.* Braumuller, Wien-Leipzig, 1903, 386 p.
11. Lishaev, S. *Jestetika ruin* [The aesthetics of ruins]. Available at: <http://www.studfiles.ru/preview/4342760/page:7/>
12. Mineeva, I.M. *Sohranenie, ispol'zovanie i gosudarstvennaja ohrana arheologicheskogo nasledija Juzhnogo Urala vo vtoroj polovine XIX – nachale XXI vv.: dissertacija na zvanie doktora istoricheskijh nauk* [Preservation, use and state protection of the archaeological heritage of the Southern Urals in the second half of XIX - early XXI centuries. Dissertation]. Moscow, 2010, 390 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Буш Полина Дмитриевна

Аспирант кафедры «Реконструкции и реставрации в архитектуре», Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия
e-mail: pauline_busch@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR**Bush Polina**

Postgraduate Student, Chair «Reconstruction and Restoration in Architecture», Moscow
Institute of Architecture (State Academy), Moscow, Russia

e-mail: pauline_busch@mail.ru